

Алксм

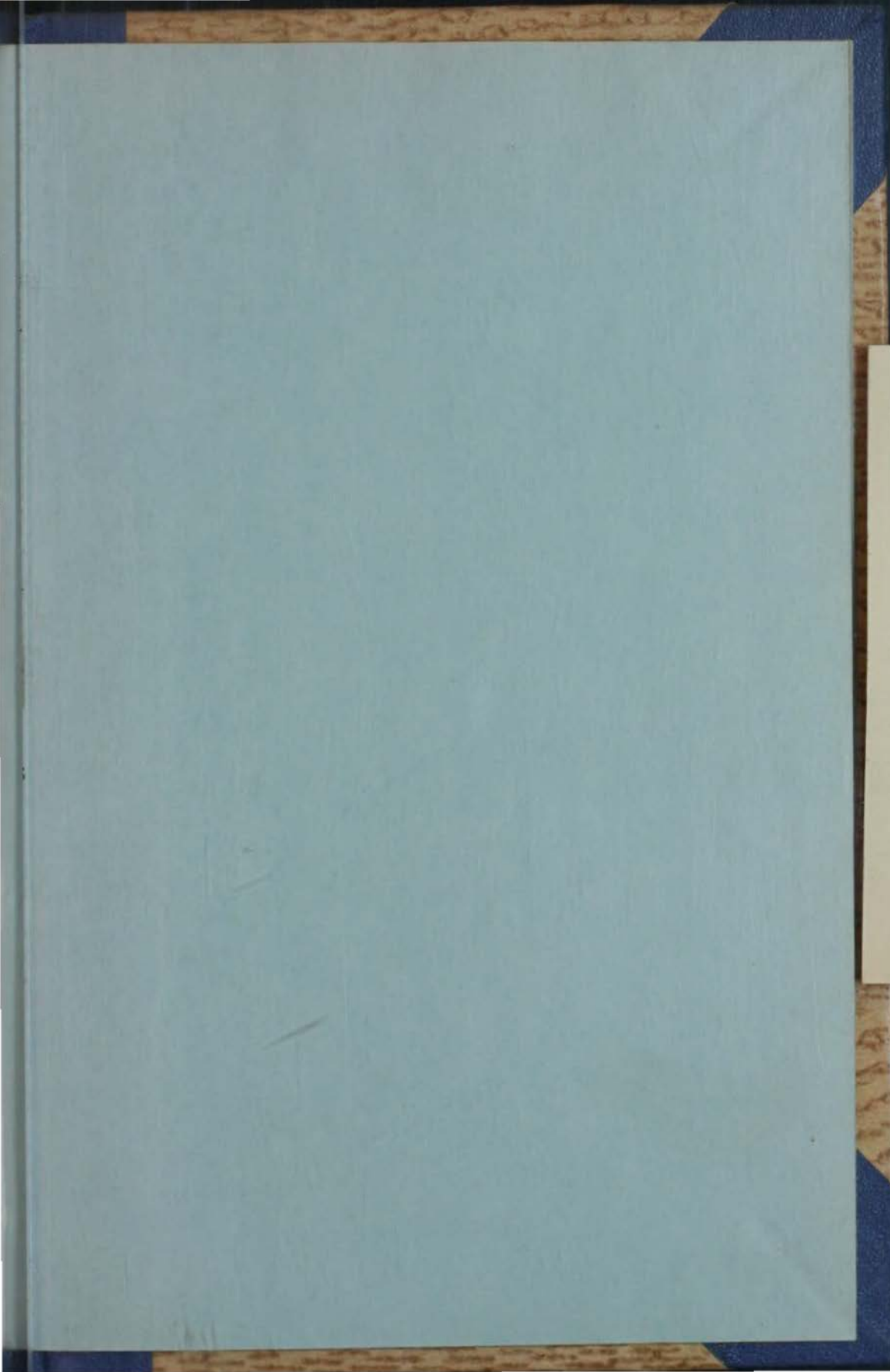
В Всероссий-
ский музей

Лхв.

ИЛЛ — Библиотека

СН 1295
Б 654

EH 1295
B 654 P

ИНТЕРНАЦИОНАЛ
1922

5-ый ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД

Р. К. С. М.

БЮЛЛЕТЕНЬ.

312 087

№ 5.

Воскресенье, 15 октября 1922 г.

№ 5.

(Продолжение утреннего заседания 13-го октября).

(Окончание речи тов. Бухарина).

Бухарин: Некоторые считают, что если что-нибудь представишь в понятной форме, то это лишается привкуса. Если в божественности мы скажем, что это заповедь бога, то по позволенному хребту должны проходить сладостные волны, и будем думать, что совершается какой-то подвиг. Но если поставить вопрос так, как я сказал, то мы не будем думать, что совершается подвиг. Может быть, для какой-нибудь старухи это и не понятно, но для молодежи это необходимо.

Почему мы не можем совершать героического дела, если будем руководствоваться крепкими правилами, сущность которых целесообразна? Так нужно ставить вопрос. Из такой не фетишистской, совершенно трезвой, реалистической и материалистической постановки вопроса вытекает необходимость этих правил поведения. Они должны быть. Я протестую против моральной оболочки, но в то же время заявляю с полной категоричностью, что эти правила должны были быть для рабочего класса пролетарской партии, и особенно для несложившихся индивидуумов, т. е. для рабочей молодежи. Совершенно естественно, что значение таких правил должно увеличиваться, когда мы окружены врагами. Вообще это то, что связывает, сплачивает, дает возможность сохранять внутреннюю спайку и быть ударным, железным кулаком. Представьте, если в условиях новой экономической политики, когда существуют магазины, кабаки и проч. и проч. совершенно естественно, что опасность разложения или деморализации чрезвычайно велика, но также ясно и то, что этому классу можно противопоставить группу или корпорацию вроде вашего союза молодежи, противопоставить свою необычайно крепкую спайку.

Если спайка так необходима в период социалистической ре-

волюции, то она втрое, вчетверо и в десять раз необходимее в такой период жизни рабочего класса и рабочей молодежи, когда они со всех сторон находятся в мещанском окружении, в капиталистическо-хищническом окружении. С этим нужно считаться и из этого нужно исходить. Я, товарищи, еще отмечаю следующий момент, который многих из вас может смутить. Со стороны более старших товарищей этот пункт имеется, имеется такого рода отношение к вопросу, что они ухмыляются от мудрости, как будто бы ухмыляются в связи с этим серьезнейшим вопросом. Они имеют право ухмыляться по той простой причине, что они не желают разговаривать об этих вещах потому, что они сами их очень хорошо знают, они прошли хорошую школу борьбы с идейными группировками, они не могут так легко сломаться, и сейчас им представляется, что раз этот разговор поднимается, они начинают такие добродетели разводить, что уши отсохнут. Но они забывают, что для них этот вопрос решен, а для вас не решен. Они этот вопрос решили много лет тому назад и совершенно естественно; зачем зря болтать по этому поводу? Но для подрастающего поколения и помимо вас, для еще более широкой массы вашего союза—эти вопросы еще не разрешены. Откуда они могли быть разрешены? У более старшего поколения была большая полемика в свое время с рядом группировок по этому вопросу, а теперь ведь у нас ни одной книжки издано не было по этим вопросам, а если и были выпущены, то эти книги касались более старых вопросов, к которым нужно было подходить.

Я считаю, что самую плохую службу по отношению к молодежи может сослужить такое идеалистическое отношение к этим вопросам. Нельзя сейчас молчать! Нужно ставить эти вопросы. Мне прежде всего кажется, что нам необходимо в этой области уяснять, воспитывать на изображении и приятии социалистического идеала в качестве переходного пункта. Мы слишком мало говорим относительно социализма в его развернутом виде. Для более сухо-мыслящих, более взрослых людей—это не так необходимо: во-первых они знают, что такое социализм, а во-вторых для них нет такой потребности, чтобы обязательно себе шприц добавочный впускать одухотворяющего момента, который бы их на социалистический лад настраивал. Но для молодежи, которая более эмоциональна, ей нужно дать более отчетливые выражения развернутого социализма, развертывать патетическую сторону борьбы за социализм и развертывать борьбу за социалистический идеал во всей широте: с точки зрения искусства, с точки зрения культуры, с точки зрения всего комплекса человеческих эмоций. Я повторяю, что более старые товарищи будут ухмыляться по поводу этого, но они все прошли это, они всю эту кашу съели, они теперь забывают, что они это проглотили и это вошло в их плоть и кровь. Наоборот, для молодежи эту сторону дела нужно развивать и культивировать, точно так же, как нужно культивировать другую сторону дела, которая идет тоже

по линии нормировочных отношений и по линии отношений между людьми. Нужно воспитывать совершенно инстинктивное отношение к страстной ненависти по отношению к нашим классовым противникам, но отношения между двумя основными полюсами, которые должны быть в центре. С одной стороны ненависть по отношению к противникам, а с другой стороны обрисовка социалистического идеала в качестве громадного единства; это должно быть исходным пунктом в нашей работе, которая определяет собой правила поведения людей.

Должен еще сказать, что надо культивировать разные методы, когда вы будете изображать социалистов. Тут должны быть и рассудочные доказательства, тут должны быть и прямо картинные художественные изображения. Совершенно ясно, что отсюда вытекает безусловная необходимость всевозможного вида товарищеской спайки. Чтобы не ограничиваться общей задачей, которую ставит себе Комсомол, надо кроме этого воспитать и вообще чувство товарищества. Совершенно естественно, что союз, как целая организация, не может удовлетворять этим медким потребностям. Мы должны внутри союза проповедывать систему всевозможных товариществ, кружков и проч., которые внутри себя культивировали бы чувство товарищества и были бы некоторым промежуточным звеном между личностью одного комсомольца, с одной стороны, и всей массой членов организации, которую представляет из себя РКСМ. Громадное значение, мне кажется, здесь должны иметь всевозможные обычаи, так сказать, «заповеди» Комсомола. Я знаю отлично, что против этого найдется очень много врагов среди молодежи. Они скажут: зачем фиксировать, зачем писать, выдвигать внешние признаки, писанные заповеди? Я считаю, что это есть предрассудок. И этот предрассудок имеет своим основанием самые обычные предрассудки. Я вам сказал, что в области политической жизни и во всяких общественных отношениях мы очень часто замечаем одно повторяющееся явление. Так, например, чтобы разбить капиталистическую армию, нам нужно было устраивать полковые комитеты. И действительно, вся армейская публика, благодаря этому, развалилась. Некоторые товарищи, не зная, что полковые комитеты раздробили армию, хотят и теперь бросать лозунги полковых комитетов, потому что эти лозунги были брошены в 17 году. Тут огромная ошибка. Ошибка заключается в том, что эти лозунги были брошены тогда, когда нам нужно было разложить старую армию. То же самое происходит и здесь. Если мы протестовали против всяких нормировок, то это было правильно, поскольку это было средством дезорганизации противника. Но мы то же самое начинаем переносить на себя и говорим: долой прописную мораль. Долгой все эти штуки! Здесь мы средство разрушения своего классового противника переносим на самих себя и оказываемся, в результате, круглыми дураками. Само собою разумеется, происходит это оттого, что мы желаем отделаться от старого и построить новое. Но нельзя так делать, нужно взять то, что можно взять. Здесь есть нечто и положительное.

Я утверждаю, что лозунги, которые заключают в себе правила поведения, и заповеди, которые выставлены на стенах, это есть положительная вещь, потому что они постоянно напоминают нам, постоянно будоражат, постоянно говорят о том, что мы должны помнить. Я позволю себе сравнение, которое на первый взгляд как будто к делу никакого отношения не имеет,—сравнение с капиталистической рекламой. Объясните мне, почему капиталисты, которые желают завоевать рынок для своей фирмы, на каждой посудине ставят свое клеймо? Почему это происходит? Это происходит потому, что им это чрезвычайно полезно. То же самое и у нас. Мы должны кое-чему у капиталистов научиться. Есть у нас целый ряд правил поведения и прочее, которые мы хотим внедрить. И ничего плохого нет в такой фиксации, потому что, иначе мы не сможем приобрести новые кадры. Что же тут удивительного? Что плохого? Если мы будем иметь такие зафиксированные правила, у нас будет более интенсивная работа. У нас будет более интенсивная самостоятельность всех основных частей нашего организма. Будет более сознательное отношение к делу.

Теперь, товарищи, я перехожу к некоторым вопросам, также связанным с разного рода моральными вопросами или правилами общественного поведения, как я это называю,—к вопросам, которые играют очень крупную роль. Первый вопрос о табаке и алкоголе. Здесь тоже существует некоторый ряд устаревших предрассудков.

У нас считается обязательным, чтобы всякий член союза ходил с 4-мя папиросками за-раз и с презрением относился к анти-алкогольной и анти-табачной пропаганде. Я считаю, что такое отношение к этому вопросу—большая ошибка. Я помню, в старое время, когда я учился в гимназии, мы демонстративно курили, и это было даже известным правилом, а с общественной точки зрения это было полезно, потому что этой мелочью мы разрушали дисциплину старого строя. Это был протест против организации школы, а оттуда протест переносился на организацию всего общества. Тогда это было средством разумным, приятно было под носом надзирателей проходить с папиросой во рту, и поэтому все, что было революционного в старой школе, поддерживало этот обычай, даже вплоть до озорства, потому что общественно это было положительное явление. Поэтому к нему нужно было относиться с некоторым почтением. С этой мелочи начиналось, а потом приводило к различным революционным движениям. А теперь есть ли что-нибудь похожее на прежние условия? Я считаю, что нет. С точки зрения физиологической, с точки зрения воспитания, увлечение табаком и алкоголем,—это прямой вред. С какой же стати мы теперь будем поддерживать курение и смеяться над анти-алкогольной пропагандой? Это—неправильное, некритическое перенесение методов разрушения буржуазного строя на собственный организм. По моему глубокому убеждению, в союзе должны быть созданы группировки, которые поведут сознательную борьбу с алкоголизмом и табаком. Это не подлежит для меня никакому сомне-

нию. Это составная часть оздоровления рядов союза молодежи. То же самое нужно сказать и по вопросу о половой распущенности, которую нужно тоже ввести в некоторые рамки. Как это сделать—я сейчас не знаю, а поэтому не буду говорить, но с этим вопросом нам необходимо считаться и вырабатывать вместе со специалистами-врачами и педагогами соответствующие директивы для членов вашего союза.

Теперь я должен еще остановиться на некоторых вопросах, которые выходят из только что очерченных рамок. Я думаю, что мы должны сейчас воспитывать в членах союза молодежи то, что относится к области всяческих норм: партийных, классовых, комсомольских добродетелей. Напр., раньше была честь знамени, честь дворянского сословия и проч. Это нужно культивировать и у нас. Это должно служить орудием классовой гордости, знаком классовой принадлежности. Вы скажете, что все это очень странно... Ничуть это не странно. Когда на войне, говорят о чести полка или о чести знамени—это очень полезная вещь, которая связывает силы и организует их. Мы должны стоять на этой же точке зрения в отношении ко всяческим группировкам Комсомола, партии и класса, начиная от той маленькой ячейки, к которой мы принадлежим, и кончая наиболее крупной организацией, в рядах которой мы стоим, т.-е. нашим классом, а затем и советским государством. Представьте себе, что вы попадаете за границу и что какой-нибудь буржуй оскорбляет Советскую Республику. Ему нужно сейчас же набить морду, в той или другой подходящей форме. Но спустить ему этого нельзя, промолчать на это нельзя. Это вовсе не есть феодальная шпига, потому что здесь содержание классовое, другое, но формальное сходство все-таки есть. Мы должны воспитывать такое поколение молодежи, которое оберегало бы честь своей группировки, партии, класса и государства, и никому не давало бы наплевать себе в морду, потому что это только в русской поговорке говорится: «дураку наплюй в глаза, ему все божья роса». Комсомольцы не должны этому следовать. Тут предстоит очень большая работа. И тот нигилизм, который проповедуется в этом отношении некоторыми старшими нашими товарищами, совершенно неуместен.

Теперь перехожу к следующему вопросу о воспитании чувства. Я уже отчасти этот вопрос разбирал в связи с тем, что я говорил, но я ставлю здесь вопрос в несколько другой форме. Вообще говоря, нужно принять себе за правило, что подходить к молодежи так, как подходят ко взрослым, нельзя, что необходимо считаться с психо-физиологической конструкцией молодежи, что необходимо рациональному воспитанию отвести здесь гораздо больше времени, чем отводится при воспитании взрослых. Я считаю, что в этой области у нас делается чрезвычайно мало. Возьмите наш кадровый состав. Наш кадровый состав прекрасно может писать всяческие циркуляры, он может написать гору бумаг. Я с завистью смотрел на те материалы, которые дал мне товарищ Шацкий, для того, чтобы я прочел доклад. Там столько

резолуций, докладов, отчетов, и все так здорово написано, что можно сказать, что вы насобачились настолько, что пересобачили некоторых взрослых товарищей. С другой стороны чрезвычайно мало делается для такого эмоционального воспитания молодежи. Между тем, что же получается? Наш противник, наш классовый враг видит наше слабое место, видит, что у нас нет достаточно литературы, материалов и т. д.

Она выбрасывает соответствующую литературу, создает кинематограф и применяет другие мощные средства эмоционального воздействия, а мы сидим на мели. Этому надо положить конец, потому что если мы на фронте воспитания чувства не выполним наших задач, если мы будем душить публику одними циркулярами, мы ничего не сделаем. Наоборот, переход к циркулярам должен идти от сферы эмоциональной. Нужно не только давать полять, но для того, чтобы человек понял, он должен сперва почувствовать. Это к молодому возрасту относится в гораздо большей степени, чем к взрослому.

Если «пинкертеновская» литература пользовалась раньше успехом среди молодежи, то естественно, что тут было что-то такое, что соответствовало некоторым чувствам. В чем же тут дело? Дело в том, что для ума требуется легкая, занятая, интересная фабула и развертывание событий, а для молодежи — в десять раз больше, чем для взрослых. Буржуазия это отлично знает и понимает. Она очень ловко ставит эти вопросы и она свою идеологию, свои цупальцы самими различными путями внедряет в сознание молодежи. Она создает идеологию, формирует ее, охватывает молодежь, а мы этого не умеем. Тут есть наш органический порок, который нужно преодолеть, потому что иначе мы молодежи не воспитаем.

Вот почему перед нами встает вопрос о всяких революционных романах, об использовании материала из области военных сражений, приключений во время подпольной работы, из области гражданской войны, из области деятельности ВЧК и т. д. Этот материал мы, как совершенные дураки, использовать не умеем, а между тем ясно, что мы могли бы пережеголять всякого Пинкертон, по интересности фабулы, по занимательности событий и т. д. Если дать одно конкретное описание жизни какого-нибудь из наших революционных авантюристов в хорошем смысле, то это будет в тысячу раз интереснее всех Пинкертон. Но только этого никто не делает. Нужно толкнуть союз к этому делу. Я считаю, что это будет играть огромнейшее воспитательное значение, гораздо большее, чем многие наши плакаты, рассуждения, резолюции, циркуляры и т. д. Поэтому я полагаю, что соответственно этому должны быть созданы кинематографы и вообще должна вестись работа в этом направлении.

Нужно все-таки знать меры. У нас если создается кинематограф, то там показывают, как работают чайные плантации и т. д., а нужно показывать, как растет народ. Хорошо показывать, как работают чайные плантации и т. д., но если это будут все время

показывать рабочим, то они пошлют это к черту. Тут нужно комбинировать.

В кинематографы идут люди усталые, им нужно интересные картины показать и создать соответствующий кинематограф. Здесь громадное значение имеют вечера и театры. Я приведу пример. Мы с вами были на открытии съезда Комсомола. Было комично смотреть, когда вышли несколько артистов оперы Зимина и пели насчет соловьев; тут публика хохотала. Затем вышла актриса, которая пропела: «Вы храбрые борцы». Тут тоже был хохот, а когда один из актеров спел «Зачем ты, дорогая, в эту ночь не со мной», тут нельзя было выдержать. Ясно, что тут контакта между этими актерами и аудиторией нет. Нужно это дело поставить как следует. Так дело дальше идти не может. Необходимо обратить внимание на эту сторону дела. У нас необходимо устраивать демонстрации, шествия с факелами и прочие занимательные массовые вещи. У нас была такая вещь: московский К-т запретил шествия с факелами рабочей молодежи потому, что, очевидно, боялся в пожарном отношении. Конечно, нужно рекомендовать больше дисциплинированности нашей молодежи, которая любит плюнуть, где не нужно, раздробить окна, двери и пр. Я должен признаться, что когда я сидел в тюрьме, то мне всегда снились солдатская музыка и войска. Я обалдеваю, когда попадаю в строй с музыкой, потому что массовое чувство человек воспринимает инстинктивно, когда он попадает в толпу, его социальные чувства прут со всех концов; но именно это есть объединяющее и воспитывающее, это нужно культивировать; всякую музыку, шествия, эффекты, нужно проповедывать. Это понимала еще католическая церковь. Почему же коммунистам не понять? Посмотрите, как у нас идут всевозможные старухи богомольные, когда происходит богосужение у Иверской или где-нибудь в другом месте. Или же какая-нибудь свадьба. Они прилипают носами к стеклу, так что оставляют только кружочки. Это естественно, потому что это их интересует. Церковь сумела объединить всех, даже старух, которые чувствуют себя принадлежащими к корпорации.

Конечно, все это мы должны делать на другой манер, это ясно, как дважды два четыре, а на это мы не обращаем достаточного внимания.

Теперь я перехожу к следующему пункту—относительно образования молодежи, интеллектуального и умственного образования. Я здесь не буду останавливаться долго по той причине, что у нас соответствующий вопрос стоит во всей широте и разработан довольно подробно специальной резолюцией. Мне хотелось бы подчеркнуть некоторые вещи, которые составляют, мне кажется, ось этого дела. Во-первых, нам нужно ликвидировать окончательно безграмотность в рядах рабочей молодежи. Это есть элементарная задача и без разрешения этой элементарной задачи очень трудно двигаться вперед. Затем вам нужно вести коммунистическое образование в двух направлениях? в направлении эле-

ментарно-коммунистического образования широких комсомольских масс и по линии более квалифицированного образования ваших, т. н., активистов, т.-е. ваших управляющих, администраторских кадров. На последнем, я считаю необходимым остановиться потому, что из тех докладов и отчетов, которые я получил в теперешнему докладу, вытекает, что ваши кадры в среднем весьма политически неграмотны и что у них марксистское образование в значительной мере отсутствует. Вы усердно справлялись на практических делах и это очень хорошо, но, с другой стороны, нужно соединить этот самый величайший практицизм, который должен воспитываться в вас, с некоторыми обобщающими теоретическими знаниями. И вот эти-то теоретические знания нельзя выбрасывать, особенно для тех, кто призван волей истории сменить старые поколения в области управления страной. Ведь через некоторое время вы будете управлять страной, а для этого нужно уметь правильно ориентироваться в могущих быть исторических переворотах. Наша партия, пройдя через школу марксистскую, так держится потому, что ее кадровый состав, ее верхушка, проходит хорошо марксистскую школу и имея хорошее образование, могла предвидеть события и легко лавировать на всех крутых поворотах. Новое поколение растерялось, а вам, может быть, в будущем предстоит еще целый ряд поворотов, еще более крутых. У нас такой колоссальный размах событий вперед, такие неожиданности в области социальной борьбы, такие неожиданности в мировом масштабе, что здесь нужна величайшая способность правильного ориентирования. Это дается только хорошей школой марксистского образования. Этому делу нужно уделить гораздо больше внимания, чем это делалось до сих пор.

Затем я должен, товарищи, обратить ваше внимание на то, что вы представляете из себя резервуар, который должен со временем поставлять работников в технической и других отраслях. Вам нужно помнить, что в текущий момент, нельзя увлекаться общим универсализмом, когда человек думает, что он все знает и представляет собою все, на самом же деле ничего не знает хорошо. Надо стремиться всемерно к более правильному разделению труда, к добросовестному изучению некоторых основных, более мелких отраслей. Вы должны точно и определенно сказать, что каждый выбирает себе определенную отрасль, которую он изучает досконально. Вы должны быть коммунистами, но вы должны получить определенную специальную квалификацию вы должны быть или инженером или техником, или педагогом по общественным наукам, или профессором или чем-нибудь, но вы должны эту область знать как следует. Если этого не будет, то у нас будет дилетантское управление и это управление будет напоминать правителей из эпохи кочевого периода, когда никто ни за что не отвечал, никто ничего не знал и все барахтались в перемещениях, как будто бы это может помочь делу. Сейчас необходимо специальное знание.

Теперь, товарищи, я перехожу еще к вопросу относи-

тельно умственной и физической тренировки. На эту сторону дела необходимо сейчас тоже обратить самое сугубое внимание. Такой задачей для скорейшей умственной и физической тренировки являются всевозможные игры и прочие штуки, которые отличаются состязательным принципом. Вам нужно обратить сугубое внимание на постановку всевозможных игр, решения задач, шарад, игру в шахматы и проч. Шахматы, между прочим, играют очень крупную роль. Один из крупных шахматистов написал специальную книгу «Общественные науки и шахматная игра», где он доказывает, что шахматная игра дает большую умственную тренировку. Многие крупные полководцы и общественные деятели почти все очень хорошо играли в шахматы. Всякая игра есть некоторая репетиция настоящего действия и есть подготовка, тренировка рук или психики. Вам нужно ввести принцип состязательности. Вам нужно придерживаться всевозможных конкурсов на быстроту решения задач, на всевозможные футбольные состязания и т. п. с призами и со всякой такой штукой. Во всех различных кружках: футбольных, научных или шахматных, необходимо сохранить принцип соревнования, этот состязательный принцип должен быть положен во главу угла. Дело заключается в том, что очень часто буржуазия берет своей большей подвижностью, а мы отстаем, ибо благодаря нашему централистскому бюрократизму повернуться-то не можем. Нам необходимо создавать более мелкие подвижные ячейки и вот поэтому, как я уже говорил, нам нужно образовывать кружки, состоящие из людей, которые интересуются шахматами: одну группировку шахматистов, другую; одну футбольную команду, другую, третью, затем устраивать между ними состязания.

Тогда у вас будет сочетание двух принципов: сочетание принципа общественности с принципом свободного движения, а не какой-то всероссийский главлзакон. Состязательный принцип должен всемерно проявляться во всех играх, которые должны занять у вас большое место. Наконец, товарищи, я должен остановиться на таком пункте. Конечно, совершенно естественно, что огромная часть вашей воспитательной работы должна представлять воспитание в школе и непосредственно в союзе, но такое воспитание должно выливаться в целый ряд практических работ членов вашего союза на различных поприщах общественной жизни. И одна из самых важных общественных работ, это непосредственная работа на фабриках и заводах, пропаганда улучшения фабрично-заводской жизни и т. д. Затем организация борьбы с бюрократизмом, о чем очень часто говорилось и о чем вы тоже писали (неоднократно резолюции); в деревне—борьба с кулачеством, отпор всевозможным организациям нашего противника, идейная борьба с ним, всевозможные диспуты и т. д. с различными идейными организациями вашего противника; борьба с пьянством, затем всякого рода экономическая борьба, защищающая интересы рабочей молодежи, приобретение здесь всяких товарищеских навыков и прочих организационных добродетелей,

имеющих громадное значение. Наконец, всевозможного рода техническая помощь партии и профсоюзам. Вы должны приучаться к активной роли в партии и в профсоюзах. Должны выполнять ряд подсобных работ их, хотя бы и технического характера, как, например, рассылка и распределение литературы и т. д. Эта сфера деятельности имеет огромное значение для нашего союза, если ставить ее в надлежащие рамки.

Я подхожу здесь к концу своего доклада. Хотел бы только в заключение остановиться на одном вопросе, который является, можно сказать, до известной степени решающим. Всеу законы писать, ежели их не исполнять. И всеу говорить, если от этого ничто не изменится. Мы должны закрепить формально, чтобы это имело известный результат. Как известно, нужно иметь материальный базис. Я здесь беру быка за рога. Во-первых, нужно иметь достаточно материальных ресурсов и материальных средств в области работы союза и в первую очередь в области организации нашего школьного дела. Этот вопрос о средствах, о денежных знаках и натуральных продуктовых элементах должен быть поставлен перед Советской властью. Во-вторых, необходимо создать соответствующую, вытекающую из всех намеченных задач, о которых я говорил, литературу, в частности книгу и другие средства, материальные, вроде кинематографа и т. п. Для этого должны быть отпущены соответствующие средства. Литература должна быть создана во что бы то ни стало. Если такой литературы популярной, беллетристической, соответствующим образом к молодежи приспособленной, создано не будет, мы ничего не сможем сделать для продвижения с мертвой точки нашего движения вперед. Поэтому создание такой литературы для молодежи во что бы то ни стало необходимо в первую очередь.

Я уже не говорю об учебниках и прочем, что само собой разумеется. Наши школы должны быть поставлены на должную высоту: фабзавуч, рабфаки из стадии деклараций должны выйти и воплотиться в жизнь. На это государство должно дать средства. Затем нам необходимо заинтересовать наши хозяйственные органы в деле воспитания подрастающего поколения.

Некоторые из хозяйственных органов, громадные фабрики или тресты организуют образовательно-воспитательные учреждения, из которых они затем черпают свои кадры. Нужно эту здоровую струю сейчас особенно поддерживать. Хозяйственные органы, хорошо поставленные, имеющие достаточно средств, у которых происходит процесс накопления, должны помочь этому делу, точно также в порядке, непосредственно не связанном с государством, но в порядке, который также реально означает некоторый громадный прирост наших сил.

И, наконец, последнее требование, — это вопрос о перераспределении наших партийных сил.

Партия определенно квалифицированных товарищей выделяет в качестве спецов в области воспитательно-образовательной работы, которые могли бы занять посты в школах, университетах и

т. д., которые должны создать нужную литературу. Без этого основного вы ничего не получите, не получите литературы, не получите учебников, не получите воспитателей и т. д. И все останется пустыми словами.

Поэтому эти вопросы относительно перераспределения, относительно создания литературы, относительно организации школьного дела, относительно того, чтобы хозяйственные органы были заинтересованы в деле марксистского образования молодежи—сумма этого дает необходимую предпосылку для реализации того, о чем я говорил, без которого мы этих вещей реализовать не сможем.

Товарищи, теперь я действительно подхожу к концу моего доклада и мне хотелось в заключение только сказать, что в настоящее время целый ряд трудных проблем, очень часто в первый раз стоящих перед рабочим классом, перед партией и вами, целый ряд отрицательных явлений, которые связаны с НЭП-ом, производят эту перетасовку наших рядов, временную нашу деморализацию.

Но теперь это время прошло. Прошло время для криков по поводу отрицательных сторон НЭП-а, эти крики должны уже пройти безвозвратно, потому что есть у нас возможность победить, безусловно есть, так как у нас есть элемент человеческого кадра, который мы можем образовать и дообразовать, при нашем начавшемся оживлении экономической жизни. Все время наше международное положение упрочивается, и с точки зрения беспристрастного анализа ничего не может в нем измениться.

Поскольку мы имеем дело с молодежью, нам необходимо, чтобы она свой энтузиазм, который был на фронтах гражданской войны, целиком вложила в дело самоподготовки к будущей огромной государственной роли. Этот энтузиазм знания нужно всемерно поддерживать в молодежи, нужно сделать его осью всей нашей борьбы.

Если мы кадр отличных борцов вырабатываем на поле культурной борьбы, то мы сможем его через несколько лет посадить на протяжении всей Республики, и эта новая сетка, новый кадр, с честью понесет то знамя, которое несло старшее поколение. (Аплодисменты.)

Председатель: Есть предложение объявить 5-минутный перерыв. (Принимается.)

Председатель: Объявляю заседание съезда продолжающимся.

Кримнев (Екатеринослав): От имени молодых рабочих-паровозников приветствую Съезд и подношу ему большой письменный прибор, сделанный их руками. (Бурные аплодисменты.)

Председатель: Сейчас мы приступаем к прениям по докладу тов. Бухарина.

Пестковский: Тут в общем и целом с положениями, высказанными тов. Бухариным, нужно согласиться, хотя я должен сказать, что многое из того, что он сказал, уже большинством активных работников осознано и кое-где началось проводиться в жизнь.

Но я должен сказать, что здесь были некоторые детали, с которыми согласиться нельзя. Я, правда, комсомолец очень моло-

дой, потому что стаж моей работы в Комсомоле всего 5 мес. (Смех) и поэтому я не знаю хорошо всех комсомольских типов, но я считаю, что они не исчерпываются теми главными типами, которые были определены тов. Бухариным.

Тов. Бухарин говорил, главным образом, о 3 типах: о типе жигана, затем о типе революционера, живущего прошлым, и о типе, который ушел в науку. Самым высшим типом, по которому нам следует равняться, тов. Бухарин не считает тех, которые ушли в науку.

Вот в этом я с тов. Бухариным согласиться не могу. Я нахожу, что есть 4-й тип, и это именно тот, по которому нам нужно равняться, это тип комсомольца, активного работника, который никуда не ушел от союза, не ушел даже в науку, но именно с массами Комсомол продолжает самую тесную связь. Он уходит не желает, а желает работать с этой массой. Высший тип это тот, который хотя и хочет учиться, но не ушел в науку, который работает и учится урывками, насколько имеет времени, но который деятельно и широко руководит Комсомолом и всю эту жизненность борьбы с мешанством ставит на практическую почву. Я полагаю, что нам приходится равняться по этому типу. А чтобы помочь этому типу, нужно у нас разрешить целый ряд вопросов, нужно организовать кружковую работу, чтобы этому типу дать науку, от которой он отрекся в настоящее время.

Дальше нужно сказать, что этот тип, ушедший в науку, оторвался от масс. Мы видим, что студенчество от масс отрывается и поэтому в данном случае, этот тип высшим типом считать нельзя. Это первое.

Второй пассаж, который был в докладе тов. Бухарина, с которым я не могу согласиться, это увлечение тов. Бухарина буржуазным примером. В общем я могу согласиться, что у буржуазии можно кое-чему поучиться, но я решительно возстал бы против того, чтобы Комсомол принимал узкий дух корпоративности. Но почему именно дух узкой корпоративности свойственен буржуазии? Потому что буржуазия индивидуалистична, потому что задача буржуазии в хозяйственном смысле есть конкуренция всех над всеми. Везде и всюду конкуренция является основным мотивом буржуазной жизни. Поэтому понятно, что дух такой корпоративной конкуренции процветает среди буржуазного элемента.

Я бы считал, что в рабочей среде такого духа не должно быть. Должна быть солидарность и корпоративность классовая в объеме комсомольской организации, но чтобы создавались они внутри кружков, которые, как таковые, защищали бы их. Скажем, например, если какая-нибудь футбольная команда считается выше комсомольцев, и чтобы этим не увлекались, я не согласен. Так как основным моментом коммунистической молодежи должен быть коллектив, а не конкуренция, то я считаю, что дух узкой корпоративности надо отбросить, надо укреплять классово комсомольцев, но не увлекаться всеми кружками мелко-корпоративного духа, свойственными буржуазному студенчеству.

Трейвас (Москва): Тов. Бухарин насчет теории большой мастер. Теоретические его основы критиковать не стоит, потому что я мало в них понимаю. Я перейду к тому, что он говорил конкретно.

Опыта работы, которую проделал Комсомол, тов. Бухарин не видел, не учел и не читал, а для того, чтобы делать доклад, нужно было посмотреть, что из теории, которую он преподносит комсомольцам, осуществлено на Украине, в Питере, в Москве и др. городах и в области воспитания в школах, и во вне-школьной работе, и в области питья и курения, и в области того, что необходимо вырабатывать правила жизни. Он потерял минут 40 или 25 для того, чтобы доказать, что правила жизни нужно зафиксировать. Но правил жизни он не дал. Типов рабочей молодежи Бухарин не знает, а если знает, он не сказал. Он говорил о трех типах совершенно неправильно. И это показывает его незнание молодежи. Я нарисую нужные типы. Первый—рабочий парень, заливчатый, или, как его называют, «длинный». Это парень, который родился в городе, где-нибудь в пригороде, около Москвы, Питера, который среди ребят был «заводилой», который на мать и отца плюет, в денежные дела не суется, боевой парень, гордый, ходит в шапке с красными кантами, брюки клош, первый балетчик. Второй тип—парень, приехавший из деревни, с религиозным оттенком, уважает родителей, любит авторитет и увлекается книгой, уважает Ленина, Троцкого, в Бухарине видит вождя революции. Третий тип, новый, не треплющийся, конкретный работник, обыкновенно—старший сын в семье, в крестьянской семье это—работник, в городе—хороший рабочий. Это парень, который дело делает, как следует учиться курить, только когда нужно, и не пьет, потому, что он это считает глупостью, да и деньги боится растратить. Из него может выйти и кулак, но из него может выйти и хороший рабочий, который выйдет в мастера. Из него может выйти парень, который в союзной работе будет очень уместен. Теперь интеллигенты. Первый тип—который от ворон отстал, а к павлинам не пристал. Это нигилист, это парень, перьях, сапоги невычищенные, теряет чулки и думает, что он спасает революцию. (Смех, аплодисменты.) Второй парень—бывший гимназист. Гордый, с фасоном, пуговицы блестящие, а теперь он революционер, пошел в Комсомол и занимает там посты, пролезает всюду без мыла. (Смех, аплодисменты.) Он где нужно отступит, где надо обойдет, умеет устроиться. Этот парень встречается часто среди наших активных работников. Это он пошел учиться в наши ВУЗ-ы, пролез через МК, ЦК и т. д. Теперь третий тип интеллигентного парня: бывший гимназист, не знает ремесла, и хочет научиться ремеслу. Стать рабочим нелегко, а быть доктором гораздо легче, он получает стипендию и попадает в «красные спец».

Теперь я хочу сказать несколько слов относительно дебушек, которые занимаются на ФОН-ах, медицинских факультетах и зубо-врачебных школах. Эти девушки пришли учиться, заняли

много мест в институтах для того, чтобы выйти в красные интеллигенты. К чему это? Через три года им нужно замуж и никакие знания им не нужны. Они слушают Бухарина, потому, что он—Бухарин, а не потому, что это их интересует. И в конце концов они попадают в будущие жены, которым ничего не нужно.

Теперь—к выводам. Первый вывод—я говорю, что основная задача наша в области воспитания,—конкретно и деловито поставить вопрос о концентрации внимания молодежи на то, чтобы получить максимум знаний.

Вместе с этим встает вопрос о школах фабзавуча. Школы фабзавуча это не есть обыкновенный тип школы и неправ т. Луначарский, который в своем приветственном слове сказал, что это есть тип, школы для подготовки кадра рабочих. Нет, это форма организации рабочей молодежи. Почему? Парень, идущий в школу фабзавуча, заинтересован в том, чтобы изучить ремесло и вокруг этого-то интереса и надо вести всю работу по его воспитанию. Школа фабзавуча не хуже организована, чем наша ячейка. Парень идет туда с определенной жаждой знать, чтобы выучиться ремеслу, чтобы получить знания, чтобы выдвинуться вперед. Вокруг этого надо построить и игры, и спорт, и развлечения.

В Москве это даст нам шесть с половиною тысяч рабочих, сознательных коммунистов, развитых всесторонне, имеющих определенные навыки, действительно будущих коммунистов-пролетариев. Это не даст нам разбрасываться.

Второе: во всех ячейках и фабриках Москвы и России сказать, что значат слова «член союза должен быть примером». Это мы должны расшифровать и проводить эту задачу так, как делает это одна ячейка. Она говорит: «Ты ученик, ты живешь в общежитии, кровать у тебя должна быть в полном порядке. Ты комсомолец, ты в комнате, хотя бы у нас, не кури и не ругайся. Тогда ты будешь примерный комсомолец». Когда это будет проведено, тогда это будет уже не политическая трескотня, а дело.

Далее мы требуем здесь, во-первых, от государства подготовки нам новых работников. Таких, которые выходят из педагогических учебных заведений, нужно гнать к черту. Все эти четыре Пино, которые имеются в Москве, нужно уничтожить. Там обучающиеся поповские дочки, которые думают, что их призвание учить детей, думают, что достаточно быть мягкосердечной женщиной, чтобы быть педагогом. Нам нужно готовить разумных и толковых рабочих, а не славных и милых ребятшек, которые поют: «Мама дорогая». Мы должны закрыть все имеющиеся такого сорта учебные заведения и создать новые. Мы создали в Москве Центральный дом воспитания молодежи. Мы, маленькие люди, сумели конкретно кое-что сделать. Но все же мы без денег, а, как сказал т. Бухарин, НКПрос, без денег никуда не годится. Необходимо ему дать деньги. Иначе он не сможет ничего сделать. Необходимо реорганизация НКПроса. НКПрос в том виде, как он сейчас существует—это каторга. (Аплодисменты, голоса: «Правильно».)

НКПрос сумел отогнать от себя всех живых людей, всех живых педагогов. НКПрос должен взяться за эту работу, он должен подобрать людей и партия должна ему таких людей дать. Пока не будет реорганизация НКПроса сверху до низу, нам от государства помощи не будет. НКПрос надо сверху до низу переделать: сделать его не бюрократическим, дать ему больше денег, чтобы он нам помогал. Тогда будет коммунистическое воспитание.

Никитин: Вопрос, который стоит перед нами имеет значение и для создания культуры пролетарской, которая впоследствии должна стать коммунистической. Теория, которую изложил тов. Бухарин, необходима. Но в докладе упущено одно обстоятельство. Как мы можем подойти к разрешению этого? Позади нас пролетариат, который находился все время под гнетом буржуазии. Будучи эксплуатируемым, рабочий класс имел своеобразную психологию—психологию разрушения как материальных, так и духовных богатств буржуазии. Тщеры этого недостаточно—нужно создание новой психологии. Правда, марксизм говорит, что эта психология вырастет сама в процессе хозяйственного творчества. Но как же быть до тех пор? Мы знаем, что общественное развитие зависит не только от развития форм, но и того, поскольку тот или иной класс принимает участие в продвижении этого развития. Взаимодействия общества играют крупную роль. Новую культуру мы должны строить на элементарных свойствах рабочей психологии. Но имеем ли мы представление о ней?

В буржуазном обществе психология изучалась на опыте са-психологию—психологию разрушения как материальных, так и ду-там не было. Нам необходимо вплотную подойти к разрешению вопроса о том, чтобы изучение рабочей психологии сделать организованным.

Янин (Москва): Тов. Бухарин говорит, что культура—основной вопрос. Тов. Рафаил, зав. МОНО, повел темную линию, прежде, чем тов. Бухарин об этом сказал. Надо здесь твердую линию взять.

Теперь вопрос марксистского образования. Правда, в общем и целом мы не можем похвастаться результатами работы в этом вопросе, но мы можем похвастаться, что работа в Москве проделана и мы на основании нашего опыта можем сказать, что марксистское образование можно еще дать молодежи не только путем школ и кружков. Есть другие формы массовой работы, и мы можем всей массе рабочей молодежи дать это марксистское образование. Устройте массовую лекцию на счет таких вопросов, которые молодежь интересуют. Это и есть марксистское образование; и по отдельным вопросам массовые лекции и массовые диспуты должны быть организованы.

Еще о марксистской литературе. Когда мы приступаем к изучению марксизма, мы сталкиваемся с тем, что имеются разные трудные книги. Надо поставить вопрос о том, чтобы издавались пособия по марксистскому образованию в самой простой форме, которые помогали бы нам работать и учиться.

Тарханов: У нас вопрос относительно использования буржуазных систем воспитания и различных методов, достигнутых буржуазией в деле воспитания, был поставлен сравнительно давно, но надо сказать, что союз относился подозрительно ко всему тому, что шло из противоположного лагеря. Конечно, чрезвычайная бдительность нужна. Нужно было десятки раз проверять и примерять, но, во всяком случае, мы применили слишком много бдительности и излишнюю подозрительность, очень часто осуществляя различные системы воспитания. Мы были склонны выплеснуть из ванны вместе с водой и ребенка. Можно привести много примеров, которые подтвердили бы это.

Возьмем вопрос о значках для нашего союза. Тов. Бухарин говорил о духе корпоративности, о необходимости создать честь своей организации и т. д., и т. д.—то, что писала т. Крупская в своей брошюре. Между тем, как только мы ставили вопрос о союзных значках,—поднимался крик о том, что это из скаутской системы, что никому не нужны значки и как мы понимаем и т. д. Между тем, корпоративность и что бы то ни было другое может быть достигнуто в массовом масштабе не обсуждениями и теорией, а простым конкретным примером, простым показательным делом, каким является тот же значок. Много примеров можно привести. Здесь искусственность не нужна, нужно исключительно то, что диктуется самой жизнью. В союзе в свое время было много кружков активных работников и т. д. Это тоже корпоративность, но корпоративность нигде никогда не прививалась; нужно предостеречь от этой искусственности в насаждении собственности, нужно совершенно иначе поставить вопрос, так, как в одном из номеров «Юного Коммуниста» этот вопрос ставился. Там никаких кружков и спайки этим не создавали, а дело организовывали таким образом, что все то, что делали члены союза в жизнь старались проводить общественно. Например, каждый комсомолец ежедневно ходит купаться. В Одессе вместо того, чтобы каждый ходил отдельно, установили правило, что все ходят купаться вместе, и это было лучшей спайкой. Конечно, не в каждом городе есть море, и не везде можно себе это позволить, но необходимо подчеркнуть, что наша корпоративность должна заключаться прежде всего в том, чтобы организовать то, что является простой повседневной потребностью.

Теперь несколько слов о том, на чем нужно было бы больше всего остановиться. Наш союз сможет развить это чувство общности, сможет создать спайку лишь в том случае, если помимо общей революционности и общих классовых традиций, которые мы должны развивать и всячески поощрять и укреплять, мы в союзе сумеем создать свои специальные комсомольские традиции, свои специальные комсомольские обычаи и т. д. Это абсолютно необходимо. Каждый член нашего союза должен быть связан со своей организацией неразрывной цепью целого ряда традиций, воспоминаний и т. д. У нас, в Москве, есть Красная Пресня. Спросите Красно-Пресненский район нашего союза, много ли там

учли тех товарищей, которые когда-то, будучи молодыми рабочими, принимали участие в знаменитых Красно-Пресненских событиях, для того, чтобы их выставить в районе, как героев этого района? А между тем, это необходимая вещь, — выставить каждой организации героя этой организации. Это — лучший подход для соревнования, так как в массе это накопление союзных традиций приводит к укреплению и связи с организацией в целом.

Совершенно правильно, товарищи, если бы мы, например, во всероссийском масштабе распропагандировали бы хотя бы Смородина, как вождя рабочей молодежи. И уверяю вас, что кроме пользы, от этого ничего бы не было, потому что конкретность есть лучшая форма, и мы бы конкретно говорили о наших вождях, а не о каком-то Ц. К. Притти к молодому рабочему и сказать: «Ц. К. рабочей молодежи» — мало, а сказать, что такой-то парень, имеющий такие-то заслуги, сделал то-то и то-то, а вместе с ним другой и третий, это уже конкретность, конкретность понятия о Ц. К.

312087
Теперь несколько слов относительно политической активности. Я думаю, что перед нашим союзом стоит задача приспособлять политические лозунги нашей партии к тем особенностям рабочей молодежи, которые несомненно имеются налицо. Об этом можно привести очень много примеров. Тогда, когда партия выкидывает лозунг, например, «мы находимся с Польшей в состоянии мира», т. е. мы только готовимся к обороне, мы наступательно никаких в отношении к ней намерений не имеем. Это вполне понятно для взрослого, сознательного человека, а вот для молодого рабочего будет понятнее, если к первой части фразы пришить вторую часть: «а вот, в том случае, если Польша захочет в отношении к нам что-нибудь сделать, то мы ей выставим вооруженный кулак и т. д., и т. д.». Эта вторая часть фразы гораздо более революционна, гораздо более близка молодежи. То же самое в отношении НЭП. Говорят, НЭП существует милостью пролетариата. Добавьте вторую часть фразы, что НЭП, ее особенности и т. д., и т. д., есть временное явление, и эта часть фразы гораздо больше близка молодежи. Эта вторая часть фразы более близка, более понятна и при таком методе политические лозунги будут гораздо более успешны.

Теперь относительно романтики, основанной на опыте. «Романтика» обычно понятие такое: похождения нашей Красной Армии, похождения наших рабочих во время белогвардейщины, различные подвиги красных героев и т. д. Я думаю, что можно развивать революционную романтику, не только отрицательную, но и положительную, не менее великую и захватывающую. На эту положительную романтику надо обратить большое внимание. Например, положительной романтикой является все то, что мы можем говорить о нашей промышленности. Такой положительной романтикой являются те же самые школы фабзавуча. Вы знаете, что буржуазные юношеские организации, например, скауты, упо-

требляют термин: «Мы, маленькие юные герои, мы покроем своей сетью весь мир и будем создавать свои организации» и т. д.

Упомянуть то же самое в отношении школы фабзавуча, которая является фактически плодом дела наших рук, говорить о том, что эта школа фабзавуча, ее строительство—ячейка будущего общества; пропагандировать это под видом революционной романтики—это достаточно привлекательно.

Наконец, последнее, на что я хотел обратить ваше внимание, заключается в том, что мы чрезвычайно увлекались последнее время экономической работой. Это вполне понятно и правильно. В наших условиях вполне понятно и правильно потому, что экономическое положение рабочей молодежи было чрезвычайно тяжелым. Но это повело к тому, и мы это видели на примере целого ряда наших организаций, что многие организации союза стали на первый план выдвигать экономические требования, совершенно не заботясь о том, как это отражается на общих целях классового воспитания. И весьма часто наши лозунги, наши частичные экономические требования сходились с теми, которые бросались социал-демократическими союзами молодежи. Ибо, как вам известно, их экономическая программа целиком списана с нашей программы. Между этими требованиями можно иногда поставить абсолютный знак равенства. Это вело к стихийному росту своеобразного «экономизма», к снижению наших коммунистических организаций. Мы должны обратить внимание на пропитание всей нашей экономической борьбы, на пропитание всей нашей практической созанной работы коммунистическими лозунгами, которые связаны практически как с политико-просветительной, так и с экономической работой нашего союза. Иначе вся экономическая работа не будет использована для коммунизма, а будет просто борьбой за насущный кусок хлеба. (Аплодисменты.).

Луначарский: Здесь много говорилось по адресу Наркомпроса, нет сомнений в том, что надо перенести центр тяжести на интересы пролетарской молодежи. Нельзя отрицать то, что в этом направлении сделан за последнее время громаднейший сдвиг.

Сеть элементарных школ уменьшается катастрофически, а школы второй ступени буквально дышат на ладан. Мы на этом съезде Губоно думаем о том, как защитить хоть самые последние остатки народного образования. Но мы не можем говорить, что это преступление Советского государства, потому что каждый из нас знает, что у государства есть другие, более важные, первы, которые тоже стоят под ударом и, ведь, фактически, никакой коммунист не скажет, что надо спасти народное образование путем провала железно-дорожной индустрии. И при этих условиях, когда вся система школ сокращается—школы фабзавуча разрослись и будут расти беспрерывно. Развернута их очень большая сеть, и в этом отношении заявка Наркомпроса даже очень большая. По-видимому, программа, намеченная совместно с вами к выполнению, установленная для принятия целиком, будет проведена в жизнь.

Если обратить внимание на Политпросвет, ведь там при трехсот миллиардов потребности, больше двухсот миллиардов идет на школы и университеты, которые наполнены целиком пролетарской молодежью. Это было бы тогда уже какой-то странностью, если бы наши партшколы были бы наполнены интеллигенцией, или чтобы ею был наполнен университет Свердлова или университет Зиновьева.

Главполитпросвет почти в десять раз больше тратит на университеты и партшколы, а между тем, минимальная смета университетов раза в три превосходит то, что мы имеем.

Возьмите университеты, ведь мы фактически при том ужасном экономическом положении, какое у нас было, удержали 30.000 студентов рабфаков и сейчас рабфаки уже не есть слабое место.

Мы переводим наше внимание на технические курсы потому, что рабфаки уже более или менее прочно обоснованы. В этом году мы приняли на рабфаки 8.000 студентов, которые без малого, за ничтожными исключениями, все коммунистическая молодежь.

В будущем году мы уже начнем выпускать по 8.000 человек из рабочих факультетов. По классовому составу это будут преимущественно коммунисты, не считая рабочих и крестьян.

А на ФОН-ах, о которых так презрительно отзывался тов. Трейвас, ведь там 75 проц. коммунистов. Если вы сообразите какое количество коммунистов в стране, то увидите, какой большой кусок народного образования уже отдан нам, и увидите, что идея монополизации знания уже находится в руках пролетариата; она осуществлена полностью. Идти дальше, развернуть это образование за счет уровня остальных школ, положительно невозможно. Что же тогда выйдет?

Мы тогда огромное большинство населения оставим совершенно без всяких государственных школ, и будет незаконно и нелегально осуществлять свою школу. В то самое время, как мы углубим наше пролетарское образование на нашем маленьком острове, мы позволим воцариться совершенно непроглядной тьме. Надо искать среднюю линию, которая фактически уже приходит, и которая требуется большой вне-коммунистической и вне-пролетарской Россией.

Там мы вводим и плату за учение. Это мы вводим именно для них. Их инициативу мы выдвигаем при нашем полном контроле, а чтобы они не могли вложить сюда своего духа, мы намерены изъять из этой изморовской России максимум средств на образование ее же самой, да еще надо отнять значительный процент на наши пролетарские пособия.

Если идти на провозглашение принципа, что пролетариат сделался диктатором и поэтому он лишит образования крестьянство и все мещанство, и пойти на провозглашение такого принципа, абсолютного классового насилия с точки зрения класса, который говорит, что он овладел властью, для того, чтобы уничтожить классы и что он против всяких привилегий—совершенно невозможно.

Я разделяю с тов. Бухариным в принципе позицию, что пре-

жде всего мы должны образовать пролетариат. Конечно, мы можем защищаться только теми соображениями, что пролетариат, как боец за счастье всего трудящегося человечества сейчас нуждается в том, чтобы быть вооруженным знаниями. Это мы выдвигаем только в первую очередь, но перегибать палку дальше и говорить, что мы лишаем последних знаний—невозможно.

Тов. Бухарин говорит тогда: закрывайте кино, психологический институт и т. д. Если мы посмотрим на то, какая пропасть лежит между 10.000 учителей и потребностью в учительском персонале, то мы увидим, что так ставить вопрос нельзя.

Нужен усиленный приток учителей. Вы скажете, что надо брать в этот институт по возможности пролетарскую молодежь, по возможности своих. Мы так и делаем. Если в прежнее время был большой процент поповен, который так не нравился товарищу Трейвасу, то во всяком случае теперь он меньше.

Но вся беда в том, что в педагогические институты идет пролетарская молодежь до крайности неохотно. Не по вине Наркомпроса и не по вине правительства. Положение учителя в настоящее время—это положение пария. Вчера тов. Склянский с ужасом сказал, что у него чиновники получают 35—40 миллионов. Подумайте, это меньше, чем любая машинистка, но это больше, чем учитель. Учитель и своей несчастной ставки 30 миллионов не получает. Кому интересно идти из чистого идеализма туда, где не получишь куска хлеба. В настоящее время количество детей, пропускаемых через школы упало. В 1919 году их было 60%, а теперь упало до 32%. Учить нужно, нужно встать на борьбу с простой неграмотностью. Теперь относительно бюрократизма аппарата.

У нас всюду довольно бюрократичные аппараты, коммунистов довольно мало. И те коммунисты, которые работают в разных местах, частью и в Наркомпросе, еще мало припривились к новой работе. Это действительно верно. Но просто и прямо сказать, что у нас бюрократический аппарат—тоже не правильно. Особенно мы, коммунисты, работающие в этой области—мы доступны до крайности. Я не знаю на что намекает тов. Трейвас, когда говорит, что трудно дойти до Наркома. Я думаю, что меня он может найти всегда во всякое время дня и ночи. Я его приму. Таким образом, это указание неправильно, но правильно то, что наши намерения осуществляются с большим трудом. Тут нужно дать больше денег.

Тов. Бухарин заявил, что это решающий вопрос, но если так, то нужно дать и средства: ни одна война не ведется без денег. И вот тут т. Бухарин загоревшийся установлением новой культуры этот нерв нам нужно сделать диаметром несколько более широким, чем до сих пор.

Бухарин: Нерв с широким диаметром, это не совсем хорошо.

Луначарский: Уверяю вас, что хорошо. У большого организма должен быть и широкий диаметр нервов, ниточные нервы не годятся.

Больших разногласий в этом отношении нет. Между вами и Наркомпросом, между Бухариным и между нами, между Наркомфином и нами—принципиальных разногласий нет, а весь вопрос в том, как чрезвычайно скудные средства поделить наиболее благоприятно, и нужно сказать прямо, что тут нет никакого ведомственного эгоизма. В конце концов, само собою разумеется, что всякий, стоящий на известном месте государственного аппарата, старается сделать так, чтобы наладить его должным образом. Вот почему мы не можем становиться на точку зрения абсолютной объективности, а приходится отстаивать нашу точку зрения со всей силой.

Фактически, когда начинается рассмотрение бюджета, то все аппараты, как щуки, рвут его в разные стороны и друг на друга смотрят почти как на врагов. Это не потому, что здесь господствует ведомственный эгоизм, а потому, что каждый, поставленный на своем месте, считает задачей своей коммунистической революции дать разрушиться той формации, которая ему поручена.

Бухарин: На то и щука в море, чтобы карась не дремал.

Луначарский: Да, это верно, что на то и щука в море, чтобы карась не дремал, но карасей то уже почти не осталось, а очень большие щуки часто отъедают хвост щукам небольшой величины. Поэтому, чрезвычайно важно, чтобы Наркомпрос, который не является пока такой трех-аршинной щукой, получил возможно больше внимания от государственного аппарата.

А то вышло так: Бухарин и Зиновьев говорят об этом фронте, как о важнейшем, а через неделю Рыков заявляет: и все-таки в этом году мы ничего для вас в этом отношении не сделаем. Так нельзя. Надо воспользоваться тем, что мы наконец чувствуем, что этот орган у нас болит, что он захирел. Пусть лучше кричат на нас и ругают нас, чем если он онемееет и парализуется. Это все, что я могу сейчас сказать, а если мне удастся до конца вашего съезда прочесть стенограммы, то я возьму слово и еще раз в порядке дня съезда.

Председатель: Объявляется перерыв.

(Вечернее заседание 13-го октября).

Председатель: 5-ое заседание съезда считаю открытым. В порядке прений слово имеет тов. Касименко. Поступило предложение прекратить запись ораторов. (Принимается).

Касименко (Украина): Необходимо, говоря о коммунистическом воспитании молодежи в условиях новой экономической политики, особенно долго и особенно вдумчиво остановиться на самой основной проблеме, которая, по нашему мнению, стоит при создании целостной системы этого коммунистического воспитания. Это—проблема создания пролетарской общественности в нашем союзе.

Когда мы на прошлой Всероссийской конференции выступали с предложениями об этой общественности, то были некоторые придирки в смысле того, что общественность, якобы, простой лишь термин, просто лишь слово—ни больше, ни меньше. Я считаю, что особенно последний период нашей работы, летом, особенно наша массовая демонстрация во время пятилетия нашей организации, во время международного юношеского дня и то оживление, которое мы наблюдали в союзе, как нельзя лучше доказали необходимость этого лозунга, лозунга создания пролетарской общественности в нашем союзе. Именно, этот лозунг—квинт-эссенция всего того «нового», что привнесено в нашу политико-просветительную работу. Общественность есть квинт-эссенция всех новых методов. Чем страдала и чем страдает наша работа, чего у нас нет? Нет коллективной жизни нашей организации. У нас нет этой коллективной жизни, без которой нет и основной воспитательной среды, а без этого невозможно формирование коммуниста из того молодого рабочего, который руководился революционным инстинктом, революционным энтузиазмом, приходя в наш союз. Общественность—это есть та идея, которая зашивает все прорехи в нашей воспитательной работе.

Можно привести несколько практических примеров. Мы имеем на Украине нашу гордость, нашу лучшую организацию—Одесскую. Она в политически-просветительной области может быть делает меньше, чем другие губернии, но благодаря тому, что там, начиная с ячейки, кончая клубами, есть эта живая, бьющая общественность, эта спайка между членами союза (не искусственно созданная, а благодаря тому, что весь курс работы был направлен на создание этой общественности), благодаря этому там от небольшой по размерам работы получается чрезвычайно большой результат. Конечно, до сих пор мы у себя на Украине не добились того, чтобы у нас общественность была сверху до низу в нашем союзе. Мы имеем довольно пеструю картину: в одних местах общественность сильно развита в ячейках, в этих основных звеньях наших организаций, и других местах клубы живут коллективной жизнью. Сейчас, в связи с тем, что наступает самая пора углубления политической работы, мы взяли основной курс, курс на общественность, тем более что сюда необходимо отнести еще одно обстоятельство,—роль общественности в борьбе с мелко-буржуазной идеологией, но без цемента общественности ничего нельзя сделать. Только тогда, когда члены союза получают от общества впечатления, формируются и разворачиваются в силу тех воздействий, которое оказывает на них коллектив, только тогда они могут быть изолированы от мелкобуржуазной стихии, а если не изолированы, то поставлены в такие условия, что вместе с коллективом борются активно с мелкобуржуазной стихией за создание новых форм жизни. Мы должны стремиться к тому, чтобы в коллектив перенести личную жизнь союза и организовать удовлетворение всех потребностей молодых рабочих в нашем союзе. Но те десяти тысячные демонстрации, которые прошли, факельные де-

монстрации у ресторанов с митингами против напманова а не новой экономической политики, это все может быть неуклюже, может быть, по сравнению с тем, что должно быть, цена этому ломаный грош, но во всяком случае они вызывают могущественное действие в смысле формирования нужной психологии у членов союза.

Теперь разрешите перейти к вопросу о красной романтике. В этом отношении наша организация имеет опыт, потому что этот вопрос был у нас поставлен раньше, чем в России. Если кто знаком с Украиной, то знает, что петлюровщина и бандитизм держатся на том сильном романтизме, ореол которого был создан вокруг казаков, которые в средние века боролись с «москалями». Мы должны были бить по романтизму, разрушать его, но если бы ограничились одним разрушением, ничего не достигли бы. Мы должны были противопоставить ей красную романтику. Мы наметили создание этой задачи по следующим основным пунктам. Во-первых, история гражданской войны. Наша Украина в этом отношении богата. Подполье, героические эпизоды, все это захватывает. Затем, товарищи, когда мы ставили этот вопрос более широко, когда мы задумались над тем, что буржуазия, воспитывавшая свое подрастающее поколение имела для него очень богатый арсенал романтики, все эти Кинпинги, мальчишки, которые умирали с криком «Да здравствует король» — мы решили поставить шире этот вопрос и поставить его по трем направлениям. Первая линия — это история классовой борьбы. Разве Спартак, разве Стенька Разин — не представляют из себя богатейший материал для красной романтики? Разве вся история классовой борьбы не представляет этого материала? Затем мы думаем создавать романтику по линии истории труда или вернее по линии борьбы человека с природой. Это самый лучший и богатейший материал для того, чтобы создавать новую психологию, чтобы, начиная с воспитания в детских домах, прививать любовь и уважение к труду. И, наконец, еще одна линия — это романтика будущего общества. Товарищи, не секрет и до некоторой степени очень удивительно, но во всяком случае мне приходилось спрашивать у многих членов нашего союза, что они думают о нашем будущем обществе. У них не было по этому поводу никакого представления. И, конечно, не «Азбука коммунизма» даст члену Комсомола это представление, а он получит его лучше всего из яркого образного рассказа. Только когда будет привита любовь к коммунизму, стремление к будущему обществу вместе с презрением к мелкобуржуазной стихии, тогда мы сумеем развернуть романтику по этим линиям и сможем закончить формирование наших членов.

Я хочу еще сказать об одной черте красной романтики (считаю, что этот вопрос очень большого значения) — о романтике военной. По существу, склонность к романтике молодежи присуща, но вместе с тем этой романтике надо дать определенное русло. И вот, пожалуй, даже случайно мы нашли это русло в нашем шефстве над корпусом червоного казаче-

ства. Популяризуя его героев, популяризуя его подвиги, мы этим ведем военную пропаганду среди союза молодежи. Мы заставляем каждого нашего члена, заставляем каждого крестьянина фактически помогать этому червонному казаку, думать о нем, заботиться о нем и, благодаря этому, мы имеем такие результаты, что когда мы объявили набор 600 добровольцев, то к нам записалось гораздо больше—человек до трех тысяч. Наконец, мы имеем тот результат, что корпус червонного казачества с гордостью носит название КСМУ.

Тов. Троцкий вам говорил, как блестяще прошла мобилизация на Украине: ее провел наш Комсомол.

Хитаров: Мне хотелось в докладе тов. Бухарина подчеркнуть место о коммунистической морали, о нормах поведения коммунистов.

Какая в этом смысле громаднейшая разница между РКСМ и, например, германской организацией, хотя бы в вопросе о так называемой коммунистической морали. Ибо, товарищи, как ставился в РКСМ этот вопрос? Сколько бы здесь нам ни рассказывали, кажется тов. Трейвас говорил, что в РКСМ, уже давно ставился вопрос, что не надо курить и т. д., я во всяком случае знаю, что у нас этот вопрос в течение последних лет рассматривался, как вопрос совершенно ненужный, во всяком случае, чрезвычайно второстепенный. И это было понятно. Там вопрос о коммунистической морали играет колоссальную роль, там само собой разумеется, что активный работник, занимающий хотя бы самый незначительный пост, не пьет и не курит. О курении там законы еще не так строги, но насчет питья, там поступают весьма строго и не задумываются вышвырнуть из организации хоть сколько-нибудь ответственного работника, если он пьет. Это революционная традиция в Германии. Точно также нужно поставить вопрос и в РКСМ. Здесь один товарищ заявил о марксистской линии в половом вопросе, а кругом смеялись. Но этого не следовало делать. Марксист не только тот, кто знает законы обращения капитала. Марксист—революционер и коммунист. Воспитать таких коммунистов—важнейшая задача союза.

Шохин: Очень печально, что Анатолий Васильевич Луначарский улетучился отсюда. В чем дело с Наркомпросом? Теперь вопрос о том, что делать и как делать, это вопрос прошлого. Мы в этом вопросе зубы себе намяли и довольно их укрепили, отточили себе зубы на разговорах о том, что делать и как делать. Сейчас перед нами стоят два практических вопроса: вопрос о материальных средствах и вопрос о людях. И сюда надо бить. Сюда надо обращать центр внимания и направлять центр тяжести. Вопросом об образовании рабочей молодежи мы теперь займемся более подробно и постараемся Наркомпрос в этом отношении перетрясти и какие-либо операции с ним сделать, но сейчас надо договориться определенно, что нам не следует втирать особенно сильно очки на счет того, что вся беда в том.

что государство до сих пор на третий фронт борьбы, на культуру, мало обращало внимания и поэтому подрастающее молодое поколение не в достаточной степени обслужено. Это надо прекратить. Это можно было делать на 4-м Всероссийском Съезде, когда выступление тов. Трейваса по докладу Анатолия Васильевича вызвало довольно большую бучу в Наркомпросе. (Смех). После 4-го Съезда прошел целый год, мы немножко Наркомпрос изучили и можем констатировать, что не все дело в нашей бедности, а тут еще кое-что другое.

Я продемонстрирую вам кое-какие перлы творчества общей политики Наркомпроса в деле воспитания и образования. Есть так называемые опытные учреждения, составленные Наркомпросом, где опытным порядком наш государственный аппарат по образованию ставит воспитание и образование подрастающего поколения—сюда относятся опытные школы Соцвоса, опытные учреждения Главпрофобра и т. д. И вот, в Москве, не когда-нибудь, не в царские времена, а при Советской власти, созывается конференция опытно-показательных учреждений, где один из руководителей этих опытных учреждений громогласно заявляет свои тезисы, а конференция это принимает...

Я буду давать точные выдержки из этих тезисов: «Трудовое воспитание пролетариев получают дети трудящихся классов в семейной и ремесленной школе, а воспитание и условия жизни фабрично-заводской рабочей молодежи лишают ее этой возможности». Благодаря тому, что она на фабриках и заводах получает это трудовое воспитание? Вот, товарищи, возмутительный факт, который встречается здесь в практической деятельности Наркомпроса, и из-за которого нам приходилось и придется биться и драться изо всех сил. И тут, товарищи, конечно, громкие слова о «наследном принце революции», произносимые Луначарским, это только слова. Надо прямо, ясно и отчетливо сказать, что уделяется из того, что можно дать на деле воспитания рабочей молодежи? Наш союз не может своими силами и средствами, обходя государственный аппарат, заниматься этим делом. И не надо присваивать Наркомпросу, что он создал школу фабрично-заводского ученичества. Комсомол три четверти борьбы вынес на своих плечах. И вот вопрос о деньгах для нашей окончательной работы—гвоздь нашей деятельности. Тут не только авторитетное мнение нашего съезда, но это мнение надо препроводить нашему ЦК партии и практически реализовать повседневную работу Наркомпроса. Мы без денег никуда уехать не можем. Разговоры о революционной романтике, разговоры хорошие и благочестивые, они останутся душещипательными разговорами, если не дать денег на работу.

Та постановка вопроса, какая делалась некоторыми из выступающих здесь товарищей, что дело в Наркомпросе—постановка неправильная. Нет, товарищи, тут дело нашей организации. Мы на вопросы подготовки людей, на вопросы квалификации работников через молодежь до сих пор серьезно не обращали достаточ-

ного внимания. Знаете ли вы о том, что у нас есть целый ряд учебных заведений, работающих специально для молодежи? В Питере есть внешкольный социальный институт, подготовляющий работников. В Вятке есть специальные учебные заведения, есть целый ряд практических институтов и не про все их можно сказать то, что сказал тов. Трейвас, что там маменькины дочки, что там одни лица из духовного звания. Есть учебные заведения, где имеется 15—30 процентов коммунистов, где во главе стоят коммунисты, а мы до сих пор к работе этих учреждений не подошли. Мы не подошли вплотную к работе для того, чтобы создать свою лабораторию по подготовке «молодежных» работников, а это вопрос практический; наша работа сейчас будет играть основную роль.

Я вернусь еще к вопросу общей нашей деятельности по воспитательной работе. Тут все-таки Бухарину надо будет в заключительном слове поменьше ругать выступавших товарищей, а более конкретизировать основной вопрос, который для нас будет играть решающую роль, что во всей массе нашей работы, ее содержания, надо выбрать основные пункты, куда бить. Этот вопрос заключается вот в чем: деньги, люди—без которых мы не можем двинуться; кроме того, формы и методы самой работы, которые более или менее у нас нащупывались, и которые нужно зафиксировать.

Абрамович (Туркестан): Здесь чрезвычайно мало уделяли внимания окраинам. У нас зачастую поддержка партии весьма слаба, а иногда она просто-таки тормозит работу, не понимает ее.

Второе—о так называемой коммунистической морали. Борьба с тем, чтобы наши работники не увлекались курением—ерунда, а пьянство это одно из зол, которым сейчас увлекаются окраины. Конечно, пункты не помогут, но это говорит о том, что всевозможные кампании необходимы.

Зоркий-Мунни Тов. Бухарин обещал в конце доклада взять быка за рога, но его только по рогам погладил. (Я говорю не о принципах и нормах, а о конкретных вещах, которые необходимы, чтобы наладить дело коммунистического воспитания молодежи.

Прежде всего—о литературе. Тут говорилось, что Маркс любил читать уголовные романы. Тов. Бухарин говорил о том, что и ему подчас приятнее прочесть о том, как «ни один мускул не дрогнул на лице кровавого Гарри», чем читать сухой ученый трактат о пользе стекла. Это—тов. Бухарину, а молодежи—тем паче. И Бухарин предлагает Пинкертона вышибить Пинкертоном, по красным. Если голодный удовлетворяет свой голод лебедой, она надувает ему брюхо, и не надо считать, что она и есть необходимый пищевой продукт. Всякая пинкертоновщина—суррогат. Велика ли в этом смысле разница, если «от стены отлетится тень знаменитого сыщика», или тень сотрудника т. Дзержинского по ГПУ? Вспомните, что, когда молодежь читает

сыщика, симпатии у нее всегда колеблются между сыщиком и состоявшимся с ним уголовным гением.

Но если в бухаринском красном Пинкертоне симпатии будут делиться пополам между гениальным вечекистом и пронырливым белогвардейцем, ловко готовящим заговор, то нам от этого особенной выгоды не будет. Нам надо работать глубже, не перекрашивать сыщические трюки, а творить.

Кто может эту литературу создать? Конечно, не мы без помощи извне. Но надо помнить, что и без нас ее нельзя создать. Необходимо наш опыт обобщить, проработать под научным углом зрения, дать выводы, чеканить методы. Кто может дать приспособленную к молодежи научно-популярную литературу, беллетристику? Все это можно только тогда сделать, если создать нужный центр именно при союзе. Тут встает вопрос, перед которым бессильно разводит руки тов. Луначарский—«ведь даже между Наркомфином и Наркомпросом в этом деле нет разногласий». Но в отношении литературы, здесь дело может обернуться более благополучно. Госиздаты и пользующиеся советской поддержкой издательства тратят триллионы. А в их работе хоть сколько-нибудь учитываются запросы рабочей молодежи, ее новый быт? Наши Наркомы не только пишут сочувственные статьи о литературных попутчиках, но часто подкладывают под колеса этих попутчиков миллиардные пачки. Мы требуем, чтоб нам помогли в создании нашей книги, в первую голову.

Теперь—о людях. Не тех, которые еще учатся, а о «старой гвардии», о привлечении марксистов. В протоколах XI-го съезда нашей партии, вы прочтете о молодежи очень много хороших слов, да и Троцкий, еще позавчера говорил достаточно отчетливо и резко. И что же до сих пор партия нам дала? У нас в центре только один бородастый комсомолец, если не считать очень свежей бороды Шацкого. (Смех). Мы не требуем такой помощи, как старые с.-д. оказывали западной молодежи, опекая ее и заседа с ней в юношеских комитетах. Нам, тов. Бухарин, нужны вы, нужны старые работники для выплавки методов нашей работы, для марксистской оценки того, что у нас делается. Тов. Луначарский здесь просил, чтобы в требованиях мы взяли ноту погромче. Этому нас, комсомольце, учить не надо. В вопросе о нашем издательстве, о людях, и о деньгах мы должны взять самую громкую ноту, на которую только способны.

Цейтлин (Питер): Раньше всего я хочу сказать несколько слов. Много говорят о рабочей молодежи. Тов. Луначарский когда-то выразился, и это слово пошло по нашему союзу, что рабочая молодежь—это принц. Я не знаю, как раньше в прежнее время принцев воспитывали, но принц—рабочая молодежь находится в очень тяжелых условиях.

Дело в следующем. О каких бы тут методах ни говорили, но основное, товарищи, (из питерского опыта) нужно сказать: основа—экономические условия жизни рабочей молодежи. Тов. Тарханов жалел тут, что союз занимался в большинстве экономи-

ческими вопросами—совершенно напрасно. Союзу приходится и придется в будущем вести на три четверти в рабочих центрах экономическую работу, потому что этот самый принц находится в условиях не принца, он и без работы, он и маленький тариф получает.

Нужно понимать психологию рабочего подростка. Если мы ее поймем, нельзя нам выступать и мыслить, как Украина и др. товарищи, которые увлекаются романтикой. Говорят, что нужно буржуазные системы воспитания перенести на рабочую молодежь. Но надо понять, что между рабочей молодежью и буржуазной—громчайшая разница. Тов. Тарханов больше всего увлекается этой романтикой, напр., скаутизмом. На деле романтика никуда не годится. Мне ясно, что какой-нибудь 13, 14, 15-летний сын какого-нибудь богача или буржуа, который не знает завода, не знает практической работы, но знает, что такое электричество, рад будет пойти ночью зажечь костры и т. д. Но рабочая молодежь, которая работает на фабриках и заводах, которая это электричество изучает практически на заводах (на заводах костров достаточно), рабочая молодежь не пойдет на эти костры, она посмеется только над ними. Надо понять, что метод скаутов был годен для буржуазии, а не для рабочей молодежи. Мне кажется, что тов. Бухарин перебарщивает в этом отношении насчет всяких романтических историй. Это не так интересно будет для рабочей молодежи. Для рабочей молодежи интересно, и тов. Трейвас правильно подошел к вопросу,—интересна будет школа фабзавуча. Вокруг нее группируются интересы молодежи: стать квалифицированными рабочими. А с точки зрения романтики, насчет того, чтобы попасть в газету, насчет вождей и т. п. ерунды, то вы знаете, что рабочая молодежь на наших юношеских вождях будет воду возить, она не понимает и не может понять насчет вождей. (Смех, аплодисменты). Вожди у нас—дело неустойчивое. (Смех, аплодисменты). Если вы с этим методом хотите подходить к воспитанию рабочей молодежи, значит, вы безнадежно перед рабочей молодежью засыпались. Это определено.

Теперь я скажу насчет психологических подходов и подходов молодежи. У нас две группы молодежи. В школах фабзавуча ребята до 18 лет. А как со ставкой на юношество? Юношество не возьмет факелов. Тут надо другие меры. Нужно нечто вроде школы фабзавуча для юношества, если мы хотим вести работу среди него, по опыту Питера. Здесь нужно сказать, что нужно создать школы фабзавуча технические, с техническим уклоном и вокруг этого непосредственного интереса и вести работу. Только в этом и есть спасение работы среди юношества. Романтикой его не заманишь.

За последнее время юношество у нас на заводах работает такое, которое имеет чрезвычайно малую квалификацию. У него есть стремление получить больше и больше знаний, и нужно это стремление непосредственно схватить. Надо организовать тех-

ническую школу и вокруг технической школы объединить и вести воспитательную работу. Даже не только организация этих технических школ нужна, но надо обратить внимание союза на наших заводах на необходимость создания специальных технических кружков вместо кружков поллитрамоты, где на практической работе, если нельзя уже вести настоящей работы со станками, чтобы в этих технических кружках молодежь пополняла свои знания, как на заводе. Только на основании бытового интереса нужно подходить к воспитательной работе.

Я не понял вопроса относительно правил поведения. Все эти штуки насчет курения и т. д.—пустяки. Этого, как хотите, я никак не пойму, и тов. Бухарин тут никому ничего не доказал. Никакими книжками тов. Бухарина и других порядка поведения не установить. И тут надо, если товарищи начинают доказывать, что девушки курят, надо сказать, что таковы определенные условия момента, ничего тут не поделаешь. По моему, никакими правилами поведения ничего не сделаешь. Я думаю, что мы до сих пор этих правил не устанавливали и в будущем нечего их устанавливать. Общая наша работа, общий культурный уровень членов союза будут подниматься и сами собой правила установятся, а сейчас устанавливать такие правила, что пить, и чего не пить и сколько пить—этого сейчас не установишь.

В заключение я хочу отметить следующее. Я предлагаю, чтобы тов. Бухарин ответил на самое главное: как повести нашу работу в области влияния на юношество? Затем дальше, как заинтересовать рабочую молодежь в ее воспитании на практических фактах работы? Я думаю, товарищи, что нужно отклонить также всякие глупости о романтике и вождах, которые нам предлагают.

Председатель: Вновь поступило предложение о прекращении прений. (Принимается). Заключительное слово имеет тов. Бухарин.

Бухарин: Я, товарищи, прежде всего должен пройтись по всем моим оппонентам в том хронологическом порядке, в котором они здесь выступали.

Наиболее принципиально обрушились на меня два первых товарища. С одной стороны «молодой комсомолец» тов. Пестковский. (Смех), с другой стороны тов. Трейвас. Они выставили против меня два основных возражения. Первое возражение—на счет комсомольского состава, второе, против моего буржуазного индивидуалистического корпоративного взгляда. На счет первого возражения он аргументировал следующим образом: самый здоровый не тот, кто уходит от союза в науку, а самый здоровый тот, кто и учится, и является членом союза. Само собою разумеется, если внимательно слушать то, что я говорил, то я о ком говорил? Я говорил о составе Комсомола, следовательно, я брал тех товарищей, которые в этом Комсомоле работают. И я не говорил о тех, кто из них ушел в науку от союза, а говорил о тех, кто учится, будучи членом союза. А когда я говорил о тех, кто оторвался от союза, поступил в высшее учебное заве-

дение, я выдвигал этот вопрос в качестве некоторой самостоятельной проблемы и обращал ваше внимание на то, чтоб вы поставили этот вопрос, так что тут проиходит некоторое недоразумение. Тов. Пестковский сражался с тем чуделом, которое сам выдумал.

По второму вопросу здесь действительно шире спор, отчасти по той простой причине, что здесь возражали против того, что я действительно говорил. Я говорил, что совершенно неправильно сверх-централистская тенденция в области союзной работы. И утверждаю, что если на такой точке зрения вы останетесь в вашей дальнейшей политике, вы вашей задачи не решите, потому, что очень справедливо Козьма Прутков еще говорил, что нельзя объять необъятное. Если вы будете стараться объять необъятное, вы получите один конфуз. Мы постоянно говорим: нам нужно будить самостоятельность масс. Когда мы говорим о членах Комсомола, мы должны сугубо это осуществлять. Можно ли это делать, если мы не оставим широчайшей свободы объединения кружков? Нельзя. Мы никакого движения воды в этой огромной массе не произведем, а будем действовать бюрократически-канцелярским сухим путем циркуляров, которые тоже объединяют, упорядочивают, регулируют, способствуют и прочее, но тем не менее их недостаточно. Я утверждаю, что между общей централистической организацией и отдельной личностью, входящей в союз, надо поставить свободно подбираемое, совершенно добровольно объединяемое, в силу некоторого внутреннего влечения промежуточное объединение. Представьте себе, что набирается кружок, который интересуется какими-то вопросами чисто-теоретическими. В другом месте образуется кружок любителей шахматной игры. В числе футбольных команд имеются такие, которые сами по себе образовались. Что же в этом еретического? Это нужно поощрять, и только таким образом и может быть произведен отбор и подбор тех людей, которые интересуются тем или другим вопросом. Как можно этот подбор производить? Я утверждаю, что в каждой из таких маленьких корпораций мы должны возбуждать соревнование, чтобы каждый, даже маленький кружок имел свою собственную кружковую гордость, и сознание этого есть одна из величайших движущих сил. Говорят, так буржуазия поступала и так поступала в древние века. Что же, меня несколько не удивит, что так поступала буржуазия. Предположим, что она так и поступала и вообще она весьма часто не глупо поступала,—что же против этого приводил Пестковский? У нас должна быть общеклассовая гордость, а больше «не могли». Но тогда напрасно вы на черную доску такую-то фабрику ставите, на красную доску такую-то фабрику. Зачем отличать фабрики? Ведь это наша классовая гордость. Зачем вы отличаете полк, которому вручено знамя ВЦИК? И т. Пестковский скажет: совершенно нелепо от имени ВЦИК вручать знамя за отличие. Должна быть общеклассовая гордость и незачем выделять один полк... Ясное дело, что такая штука абсурдна. Почему? Потому, что вы не

дайте толчка вперед. Конечно, в коммунистическом обществе развитом, где всякая личность потонет, не будет разговоров об отдельных личностях. Но в наш век, когда нужно изыскивать некоторые стимулы для большей подвижности и гибкости всего аппарата, разве мы сами не взываем во всех областях жизни к соревнованию между разными группами, а иногда даже между лицами? Бойтесь взгляда такого: не даю свободы движения никаким маленьким ячейкам. Вот вожди, за ними все пойдут и они все из центра распишут. Это вредная тенденция. Что было у нас в 1918 г.: «Не трудящийся да не ест», «все магазины всем трудящимся», а в магазинах ничего нет. То же может выйти и с вывеской «общеклассовая солидарность». (Смех).

Я перехожу к речи т. Трейваса, который меня на первых порах напугал. Я думаю, что вот размахнется парень, и от меня одни зубы полетят на пол. (Смех). Я сперва не понимал, откуда у него такая злоба на меня, теперь знаю: он, оказывается, бил посуду по Наркомпросу и совершенно естественно, что у него образовался такой спецовский уклон. Тут же рядышком сидел Луначарский и Трейвас меня по специальности и тарарахнул, тем более, что я вполне этого заслужил, потому что сам проповедую специализацию. (Смех).

По сути дела тов. Трейвас такую штуку сказал. Бухарин рабочей молодежи не знает. Он нарисовал такие типы, которые не существуют. Я взял три типа, во-первых, тех, которые разложились, затем, тех, которые живут прошлым, и тех, которые живут настоящим, ... и сказал, что между тремя типами есть различные промежутки. Трейвас говорит: есть другие типы. Один, который фуражку на затылке носит, другой конкретный, третий еще какой-то и т. д. Я согласен, что есть и такие типы, но когда он анализирует состояние молодежи, он может подходить к этому вопросу с другой точки зрения. Может делить на брюнетов, блондинов, на мужчин и женщин, на смиренных и залихватских, на партийных и беспартийных, и по другим линиям. Мне нужно было разделить по тем линиям, по которым они стоят в желаниии учиться. Я и разделил. Нравится другая формулировка? Вольному воля. Мое деление целесообразно, потому что она идет по такой линии, по которой ведется дискуссия. Если Трейвас говорит, что я не знаю, что у нас существуют крестьяне и рабочие...

Трейвас (с места): Стидно Бухарину заниматься демагогией!

Бухарин: Трейвас сердится, но я отвечал шуткой на его шутку, так что это есть честная дворянская дуэль, что же тут такого? (Смех, аплодисменты).

Здесь тов. Тарханов выставил против некоторых моих утверждений аргумент, что я предлагаю образовывать насильственно кружки, а не искусственно, когда комсомолец идет купаться не один, а в компании. Я должен отдать справедливость тов. Тарханову, вряд ли можно найти комсомольца, который в грустном уединении идет купаться. Но я вовсе не говорю, что

нужно искусственно, силком тащить в кружки. Я не говорю, что нужно запереть десять человек в комнату, и пускай они там играют в шахматы, а Тарханов это дело так изображает. Наоборот, я думаю и говорю о том, что надо развязывать целый ряд влечений, которые существуют и на основе этих влечений формировать кружки и другие организации. Всякое регулирование, давление—это обязанность каждой организации, это определенный признак руководства, который состоит в том, что мы, опираясь на тенденцию движения—его усиливаем. Точно также и здесь. Наоборот, доказывая против искусственности, мой оппонент сам-то выдумал самую искусственную вещь—это культ отдельных лиц вашего ЦК, и это уже не корпоративная, а прямо индивидуалистическая точка зрения...

Теперь относительно т. Касименко. По моему мнению, он сделал целый ряд весьма ценных дополнений, когда говорил о революционной романтике. Как одну из линий, по которой должна быть направлена новая романтика, он выставил борьбу человека с природой и изображение будущего общества. Насчет будущей жизни я в своем докладе упоминал, но вот борьбу с природой я упустил.

Всевозможные изобретения, рискованные научные экспедиции, направленные на завоевание человеком природы, человеческое бремя,—такие истории тоже можно очень хорошо беллетристически препарировать, и они также войдут в героический цикл, так что это дополнение тов. Касименко представляет деловой материал, который следует принять.

Правильно говорили здесь об окраинах, совершенно правильно, что мы не сумели осветить вопроса об особенных чертах на окраинах. Мне кажется, что надо действительно поставить перед партией вопрос относительно более внимательного отношения к союзу на окраинах. Я, к сожалению, не могу коснуться, хотя это следовало бы, тех особенностей, которые мы должны иметь в виду, при ведении нашей воспитательно-культурной работы среди различных национальных меньшинств. Это вопросы все очень сложные, начиная с языка. Тут встает вопрос даже о некоторой линии, вопрос, который очень слабо разработан. Это очень большой вопрос, которого мне сейчас коснуться в заключительном слове было бы слишком неправильно.

(Продолжение в следующем номере).

